

-Ну на фигу тебе эти твои сурки? Это же непонятно что. Тебе двадцать пять! Ну и что, что многого достигла? Тут дипломом прикрыто, здесь медалькой, а внутри — инфантилизм. Вот Полина Петрова нормальная, а ты нет.

Я молчу о том, что Полина коллекционирует синих медведей, потому что будет скандал, и вспоминаю европейских инфант. Их рисуют так, чтобы у них было все и им ничего за это не было. Инфанты, между прочим, тоже дети монархов. И тоже грустят, пусть и во дворцах. И равнодушными они могут быть, наверное, так же, как моя соседка Валентина. Ее рыжая Тася колотится в мою дверь по ночам, будит, ведет на кухню, где лампе выбили глаз. Она тычется мордой в миски. Принюхиваюсь: отовсюду несет соленым, а воды нет. Тася не пьет, потому что пьет Валентина: вот же дурацкий каламбур. Лучше бы Валентина не пила вообще.

Нет, все-таки сравнивать ее с инфантами, пусть и в равнодушии, — это слишком. Не могу представить, что дочь испанского короля держит своего маскота в черном теле, пренебрегая уходом за ним, будь то собака, рыбка или фретка.

Упрекающие меня в любви к суркам — некий собирательный образ. Так много кто говорит. Я не обижаюсь. Косо-криво, но — правдиво.

Тут дипломом прикрыто, здесь — медалькой.

Родилась под относительно чистым небом девяностых, считай, в рубашке, когда еще как плохо, но где-то настолько хуже, что наше «плохо» — уже совсем хорошо.

— Так что прикрывать-то, маленькая?

Вот тут то, как Витька-наркоман ударил бабушку лицом об ступеньку в хрущевке, где я вырос-

ла. А вот тут — как ко мне лезет пьяный потный белорус, чья дочь — моя свежесовершеннолетняя ровесница. Я работаю у них на Кубе переводчиком с испанского за еду. Я тогда сбегу, я вырвусь, все обойдется. И попытка — действительно, не пытка, но — больно. За тех, кто не сбежал. Боль за других — страшнее, потому что не видишь, где болит, кто болят. Особенно за незнакомых: их не окликнуть, не обнять, не обогреть.

«Потерянное поколение», «недоросль», «жизни не выдавшая», «горя не хлебнувшая»: это если меня заключить в кавычки. А если кавычки убрать, кто я тогда?

Я, может, не против найтись, дорасти, увидеть и хлебнуть, если мне расскажут, как это сделать. Обычно говорят сказочно: «поди туда, незнамо куда, найди то, не знаю что».

Инфантилизм — слово красивое и про болезнь. Вижу в нем Испанию и дворцы. Я живу в России, в коммуналке. Мне нравится простое русское слово «детство». И не перестало нравиться даже после того, как «Куда уходит детство» играло во время полета в кувет.

— Меня укачивает, можно, я сяду вперед? — попросила Рита в то утро.

Обычно я никогда не уступаю своего. Но тут человеку плохо. Дорога — мой самый любимый сериал. Режиссер — водитель. Актеры — каждый раз разные, и все об одном. Мы едем в южный гастрольный тур. Двенадцать городов, багажник с книгами и блок сигарет. У крестной друга Леши в Красносельковке, что в пяти часах от Ростова, забыли сумку с ноутбуками.

— Возвращаться — плохая примета. Я тебя никогда не увижу, — срывается у меня с губ.

Я не пою: я цитирую.

Проезжаем Замостье. Мой пепел летит в окно. Сурок на моих коленках не одобряет ни моего курения, ни возвращения к крестной: это отчетливо читается в его глазках-бусинках. Леша не распознает цитату и не слушается ни Резанова, ни Кончиту, ни меня. Стал бы он слушать животное. Да еще и плюшевое. Когда он за рулем, он человек страшный. Аккурат на том же месте, где поворачивали назад, успеваю заметить болтающую по телефону даму за рулем машины впереди.

А потом все куда-то летит под веселую музыку, как на аттракционах.

Песенка про кого-то, кто будет бегать и в сугробах, и по лужам, а ты не будешь, звучит издевательски-кинематографично для человека, которого с судорожным криком «Девочка моя!» вытаскивают из обезображенной машины, и он не может пошевелиться. Я вспоминаю, как должны реагировать героини из книжек. «Вся жизнь пронеслась перед глазами», «сердце в пятки ушло», вот это все. Этого не было. Либо я читала плохую литературу, либо я сама — плохо выписанный герой.

Я никогда не пристегивалась в машине. Рита научила меня, что, уступив красивый вид, можно получить взамен вид на жительство на планете Земля. Леша и Рита, повиснув на ремнях, не получили ни царапины, а нам с Антоном досталось.

— Я на концерт успею? — Музыка уже не играет, у динамика речь отнялась, а ко мне вернулась. — У меня концерт в Ростове. Концерт, понимаете? Через пять часов. Мы доедем?!

В больнице я узнаю, что во мне ничего не сломано. Есть ушиб мягких тканей левого плеча. Зато я знаю, что во мне будет сломано и болеть как анекдотический «ушиб всей бабки», если я не дам этот концерт. Это экзамен. Ты либо в профессии, либо уйди.

Елена Мухина с жесточайшими травмами почему-то смогла.

Художественная литература. Художественная гимнастика. Сестрицы. Ты показываешь людям красоту, а они чувствуют боль. Ты чувствуешь боль, а они видят красоту.

Читатели ждут меня там по семь лет. По четыре года. Кто-то — неделю, но не менее сильно.

Мне кажется, что если я что-то не начну решать прямо сейчас, мы вырастем в землю каменными фигурами, как тролли из скандинавской мифологии. Впервые в жизни матерящийся Антон — у него разбилась

гитара. Абсолютно белая, гипсовая Рита. Леша, не человек, а зверь, многожды страшнее, чем за рулем, которого больше нет. Труп машины с неестественно вывернутыми к небу колесами. И я. А между мной и поврежденной рукой — сурок. Он создает эффект шины, и боль говорит тише.

От Ростова до Таганрога не близко: треть гостей уедет, не попросив вернуть деньги за билеты. Те, кто ждал семь лет, легко ждут еще час, за каждую секунду которого мое плечо виновато вспыхивает болью. Отвечая на вопросы читателей стихотворениями, я пытаюсь понять, что именно мне снится: их блестящие глаза и аплодисменты, красные цветы и мое концертное платье, купленное на калининградской барахолке за пятьдесят рублей... или ДТП с музыкальным сопровождением, проклятия местной фельдшерицы, чья машина отделалась легкими ушибами, полицейские, которые встали на ее сторону, и полуобморочная дорога на перекладных к началу тура.

— Ой, ты и сурка привезла к нам с самого Питера. Можно с ним сфоткаться?

Во мне достаточно обезболивающих, чтобы ненадолго выпустить сурка на фотосессию. Прямую трансляцию с концерта смотрят матери: моя и Риты. У ее мамы — слабое сердце. У моей — слабая дочь, если она будет жаловаться на такие мелочи.

Чувствую на себе осторожный, обеспокоенный взгляд сурка, подписывая двадцать вторую книгу, и радуюсь, что не левша.

Ночью ростовское небо — смородиновое, да звезд не счесть. Как будто там много-много черных сурков, и они смотрят на меня своими глазками-бусинками.

Бог любит троицу.

Человек создан по образу и подобию Его, а значит, я не исключение — и я люблю.

Первый раз был ветрянкой. Встать было решительно невозможно, и мечталось выйти хоть куда-то, даже в сплошной крупнопиксельный снег.

Вакцина действует ровно 20 лет, мне ставили ее в три, а мне было 24.

Поэтому из Калининграда я привезла, как выяснилось, не одно платье. И вот это, бессильное, бледное, в алую крапинку, я на барахолке не выбирала. Мне его случайно подарила пятилетняя дочь подружки. Но оно было со мной, даже когда я сожгла его антибиотиками. Это платье стало обещанием не упускать ни одного шага в тепло. Обещала я это своим суркам, конечно же, потому что они были рядом всегда, а остальные не очень и даже не «почти».

Выздоровев, я пошла в тепло любимого дела, человека и залитых солнцем улиц.

Второй раз был уходом от нескольких абьюзеров сразу.

Многолетнее важное дело, которому я устала доказывать, что оно — самое лучшее, с утра до ночи. Мужчина, с которым мы, засмотревшись друг на друга, не посмотрели на дорогу, а она оказалась двуусткой: у него свой путь, у меня свой.

Я сама, с которой я же начала спать по разным комнатам.

Уходила рвано.

Потеряла 11 килограммов и волосы клочьями.

В этот раз я уже ничего себе не обещала.

Когда мне снится авария, я постоянно вижу в своей руке сигарету, которую не нашла в салоне. В ночь, когда мне приснилось, что она все-таки вылетела в окно, я проснулась и не курю до сих пор.

Так уйдет ли от меня детство, если у меня отобрать сурка?

У той меня, которая стоит на пустыре в Замостье близ перевернутой машины, сеть не ловится, надо ловить попутку, а концерт через пять часов — с сурком, примотанным к поврежденной руке?

У той меня, которая лежит в цинке и зеленке, и стыдно перед всеми, кроме сурков?

У той меня, которая спала сама с собой по разным комнатам, но с одним и тем же сурком?

В такие моменты я пробую представить это картиной. А себя и всех комментаторов — теми, кто пришел на это посмотреть.

Мне понравилось готовиться к кандидатскому экзаммену. Я смогла закрыть знаниями те рваные раны в себе, которые дипломами закрывать не получалось: кровь пропитывала бумагу. Носишь на лбу диплом, а сквозь него проступает кровь. Смоляная. Никакой эстетики. В одном из билетов, о том, как правильно читать фотографию, было два латинских слова. Studium и punctum.

Первое — это то, что на ней изображено. Люди, воины, студенты. В данном случае я, перевернутая машина, смертный одр инфекционного больного или отсутствие близких людей, ощущаемое сильнее присутствия (нужный вариант подчеркнуть, а можно

влепить на картину все сразу, а ось эффект мощнее будет), и бесполезное животное сурок.

А второе — то неуловимое, что пугает и завораживает. Непросто понять сразу, от какой именно детали или приема так получается. Иногда никогда невозможно. Есть черный квадрат Малевича. Есть девочка на шаре. Есть девочка с сурком. Дипломы, которыми я прикрываю свои и чужие шрамы, тонкие, а медалики холодные. И не защитят, как крестик от пули на войне. У одной поэтессы есть стихотворение про дыру в груди, с которой она родилась. Хорошее стихотворение. Интересно, она пробовала прикрыть дыру сурком?

Сурки жирные и теплые. С ними нестрашно. Я пишу это слово слитно — как сурок, приросший к руке там, в июле, где больно.

И не хочется ни с кем спорить, когда они ждут тебя дома. Вшестнадцатером.

Покидая Крым, я замечаю в магазине аэропорта грустного синего мишку. Из игрушек он там один, и оттого — совсем не игрушечный. Его глаза похожи на глаза моего сурка.

В моей голове вспыхивает картинка «Девочка с синим медведем». Петрова, которую ставят мне в пример. Мы лауреаты одинаковых премий. Ездили на одни и те же форумы. Познакомились на одном из них. Я таких людей называю «южное сияние». Они ярко мерцают, но они не холодные. Ее брат Макар упал с Ростральной колонны. Он — фотограф, который делает кадры с высоты. Может быть, моих сурков и ее медведей у нас — ровно по количеству незакрытых гештальтов, из которых дует? Дует пронзительным степным ветром Замостья — или невским норд-остом, который может смахивать людей с крыш?

У меня на карте последние 400 рублей. Я могу выбрать на них кофе в «Старбаксе» или медведя. Дома, не сняв шарфа, я ставлю чайник. За окном сумерки синие, как мишка, который совсем скоро не будет грустить. Я пишу об этом Полине.

Оказывается, она пару дней назад купила мне сурка.